

ЮГ РОССИИ: ОЦЕНКА КОНФЛИКТОГЕННОСТИ МИГРАЦИИ

А.В. ДМИТРИЕВ

Предлагаемая статья представляет собой результат эмпирического исследования, проводимого в 2009 – 2010 годах в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» по теме «Определение путей стабилизации регионального социума и устойчивой деэскалации региональных конфликтов». Исследование осуществлялось методом экспертного опроса 85 ученых различных профессиональных групп из семи федеральных округов Российской Федерации (рук. А.В. Дмитриев) и отдельно из ЮФО (рук. А.В. Авксентьев). Работа проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 09-06-00241а).

Предварительные замечания. Население Юга России пришло в движение в до сих пор невиданных масштабах. Противоречивые последствия как внешней, так и внутренней миграции стали очевидны как для властей, так и для большинства представителей научного сообщества. Ныне рассматриваются различные проекты смягчения экономических последствий безработицы на Северном Кавказе, в которых предусматривается перемещение избыточной рабочей силы в различные регионы страны.

Для понимания процессов миграции, так же, как и состояния постоянного поселения, недостаточно констатировать, что они обусловлены производством либо, наоборот, воздействуют на развитие производства. Если поселение существует как постоянное место жительства, то есть и определенная закреплённость человека за ним и, стало быть, своего рода механизм закрепления. Кроме того, необходимо выделить еще один аспект – отношения людей между собой.

Миграционные потоки. Миграционные потоки в РФ обычно делятся на две части: внутренние и внешние. Последние состоят из иммиграции и эмиграции, причем иммиграция явно преобладает – сказывается приток переселенцев из ближнего зарубежья. С конца 2000 года число прибытий стало сокращаться, а с 2006 г. снова расти. Региональная особенность внешней миграции состоит в том, что наиболее привлекательными территориями

являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Белгородская область и ряд других.

Общая ситуация. Регионами-реципиентами иммигрантов из государств Закавказья являются Центральный и Южный (Астраханская область, Краснодарский край, Ростовская область) федеральные округа.

Анализ внешней и внутренней (межрегиональной) миграции позволил демографам (Рыбаковский Л.Л. и др.) выделить четыре группы субъектов РФ, образовавшихся в результате изменения соотношений между естественным и миграционным приростом (или убылью):

- 1) регионы, в которых отмечаются естественный прирост и миграционный прирост;
- 2) регионы, в которых отмечаются естественная убыль и миграционный прирост;
- 3) регионы, в которых происходит естественный прирост и миграционная убыль;
- 4) регионы, которые характеризуются естественной убылью и миграционной убылью.

Субъекты Федерации Юга России «разбросаны» по этим группам. Если Ингушетия сохранила и естественный, и миграционный приросты населения, то в Волгоградской области убыль наблюдается по обеим позициям. Республики Северного Кавказа: Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чеченская республика – вошли в 3 группы, где происходит выдавливание нетитульного населения, что ведет к формированию мононациональных образований, потере квалифицированных кадров и многим другим негативным последствиям¹.

Воздействие иммиграции. Насыщенность и разнообразие этнического и конфессионального составов населения Северного Кавказа не только составляет высокий потенциал региона, но и таит в себе возможность обострения всевозможных конфликтов. Исторически ведущим фактором в определении своеобразия этой территории было ее геополитическое положение. Другим, не менее важным, – освоенность и благоприятные условия проживания. Положительной была и транзитная особенность – кратчайший путь из Закавказья. Распад союзного государства, войны по обеим сторонам горного хребта вызвали массовые перемещения людей, среди которых было много беженцев и переселенцев.

Ныне отдельные регионы стали ареалами концентрации миграционных потоков из стран ближнего и дальнего зарубежья. Наиболее интенсивными оказались миграционные потоки из соседних стран Закавказья, Центральной Азии и Украины. Заметим, что еще до распада Советского Союза на равнинной территории сформировались довольно многочисленные армянская и азербайджанская диаспоры, которые стали своеобразными узлами проживания вынужденных переселенцев в начале 1990-х годов. Особенно выделяются армяне: по численности миграционного прироста они превосходят все другие титульные народы ближнего зарубежья, за исключением украинцев. Исследование географии межрайонных миграций армян позволило выявить на территории России два ареала их концентрации: первый ареал – европейская часть страны с выраженным доминированием Центрального района; второй ареал – русское Предкавказье, преимущественно Ставрополье и Кубань, куда в последние годы устремился мощный миграционный поток из стран ближнего зарубежья. В целом в этой зоне проживает более 60% армян России. В начале 1990-х годов появились и переселенцы из Грузии, которые составили почти 1/4 миграционного прироста равнинной зоны (сказались грузино-абхазский и грузино-юго-осетинский конфликты). К середине 1990-х годов увеличился поток мигрантов из Центральной Азии. В результате миграционный прирост населения равнинной части Северного Кавказа из нового зарубежья составил: 36,6% из Южного Кавказа, 37,3% из стран Центральной Азии, 15,8% из Украины².

Эти данные свидетельствуют о важных демографических изменениях на Юге России. Квалифицированный читатель, проанализировав предполагаемые изменения численности населения в отдельных субъектах округов, задумается о грядущей перенаселенности Краснодарского и Ставропольского краев и увеличении численности мигрантов в Ростовской области.

О конфликтности миграционных процессов. Редкий специалист будет оспаривать тезис о нарастании миграционно-исламского давления на Европу, включая Россию. Его действие усиливается вследствие многих факторов – социальных, экономических и демографических. Все более отчетливой становится этническая структура миграционных потоков, что заметно видоизменяет этнический состав принимающего населения. Процесс этнической иммиграции сопровождается постоянной эмиграцией из некоторых восточно-европейских государств и России, которая носит не

только этнический характер, но и возрастной (молодежь), и профессиональный (образованные и подготовленные мигранты).

Основные потоки эмигрантов и иммигрантов слабо контролируются. Отчасти по этой причине наблюдается и разделение труда по сферам деятельности между этническими группами мигрантов, в результате чего ситуация на микроуровне периодически обостряется.

Население, обитающее рядом с границей «межцивилизационного разлома», может вести борьбу за территорию проживания путем так называемых «демографических войн», которые происходят следующим образом. Земли, расположенные на приграничных территориях, заселяются сначала единично, а затем и в массовых масштабах. Из-за своего превосходства в плодovitости мигранты, составляя в начале процесса меньшинство среди местного населения, в течение 10 – 20 лет могут в корне изменить демографическую ситуацию в свою пользу. Далее вероятно вытеснение местных жителей, в лучшем случае «мягкое». История многих стран свидетельствует о стандартности таких приемов. В современной Европе подобным способом освоения новых территорий в совершенстве овладели албанцы в Сербии (Косово и Метохия) и Македонии. На Северном Кавказе русские покидают некоторые территории Ставропольского и Краснодарского краев, ряд северокавказских республик почти полностью потеряли русское население. Существуют известные проблемы и в обширных регионах Сибири и Дальнего Востока, граничащих с Китайской Народной Республикой.

Есть несколько путей выхода из такой ситуации: во-первых, заселение и обустройство южных и восточных границ России с целью ограничения иммиграции; во-вторых, заключение между Россией и странами СНГ, а также с прилегающими к ней восточноевропейскими странами соглашения о реадмиссии, т.е. о принудительной высылке незаконных мигрантов. Можно утверждать, что России в аспекте ее миграционной политики пора делать окончательный выбор. Пример заселения Косово албанцами не может оставаться без внимания.

Территориальные претензии. Особую значимость в регионе приобрел фактор этнической территории. Границы республик и автономий, зафиксированные еще в советский период, ныне жестко соблюдаются, став одним из основных признаков этнической самоидентификации и соответственно причиной возможной межэтнической конфликтности во всем регионе. Поэтому пере-

движение населения между субъектами Федерации воспринимается с подозрением как население, так и местными властями. Положение осложняется тем, что на Юге России (в ЮФО и в СКФО) практически каждый субъект Российской Федерации имеет к соседям те или иные территориальные претензии. В регионе насчитывается свыше 100 территориальных претензий.

Территориальные претензии довольно редко выдвигаются официальными структурами республик Северного Кавказа (например, Ингушетия – Северная Осетия). Обычно либо какая-то этническая группа прямо через своих властных представителей заявляет о тех или иных требованиях к соседям, либо территориальная претензия является продуктом мысли так называемой политической элиты³.

В такого рода противоречивых ситуациях заметную роль играют конфликты в ближнем зарубежье: карабахский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский. Так, признание РФ Южной Осетии в качестве независимого государства не сняло вопрос о единстве осетинского народа. Заметно стремление некоторых народов, проживающих в разных государствах к объединению (лезгины и др.).

Геополитический аспект. Естественно, что для России (впрочем, и для других стран) как принимающей стороны иммиграция имеет определенные выгоды. Обычно их обобщают таким образом:

в демографической сфере она частично компенсирует явные сокращение и старение населения Российской Федерации;

в экономической сфере частично удовлетворяет спрос на такую рабочую силу, которая готова работать за низкую заработную плату и в трудных условиях.

Но в демографическом аспекте лежащая на поверхности идея привлечения иностранцев для повышения рождаемости является во многом надуманной, поскольку совместные браки приезжих и местных жителей довольно редки. Моноэтнические же браки и, следовательно, возрастание численности населения за счет мононациональных семей мигрантов рождает тенденцию к изменению этнического баланса явно не в сторону принимающего сообщества.

В территориальном аспекте мы уже рассматривали Северный Кавказ. Но существует также опасность потери Россией нескольких территорий Сибири и Дальнего Востока.

При всех положительных и отрицательных характеристиках иммиграции, в относительно близкой перспективе ее можно

рассматривать и в ином, на сей раз не в чисто прагматическом ракурсе. Нельзя исключить, что в неопределенном настоящем и еще более туманном будущем цивилизационный раскол мира будет определять углубление уже существующего разлома цивилизаций. Альтернатив у России не так уж и много и, несмотря на «маятниковость» своего культурного развития, ей все же придется делать выбор между неопределенностью положения страны между Европой и Азией (евразийство) и западной цивилизацией.

Предположим, она пойдет по первому, названному выше пути. Тогда линия разлома между европейской и восточной цивилизациями станет, на первый взгляд, менее заметной. Что касается миграции с Юга и Востока, то она будет продолжаться беспрепятственно. Крупные города России, и так уже переполненные переселенцами с этих территорий, будут насчитывать целые районы компактного проживания этнических групп с иной культурой, иными языками и обычаями. Власть городских служб в этих гетто представляется минимальной. В случае экономического, социального или политического, а, вероятнее всего, и общесистемного кризиса, линия особого напряжения будет проходить уже не по периферии России, а в самых важных ее нервных узлах.

Во втором, альтернативном варианте Россия, быстро модернизируясь, становится европейской страной. На этом этапе, разумеется, существует опасность усугубления культурного разлома по линии границ Кавказа и прилегающего к нему района, а также по линии среднеазиатских республик. На макроуровне это соперничество может проходить и без вооруженного столкновения. Россия будет стремиться сохранить имеющееся ныне влияние в экономической и военной сферах, укрепляя одновременно свои границы и совершенствуя миграционный контроль.

Тезис о необходимости учета европейского тренда в миграционном аспекте подтверждается обустроенностью и, следовательно, относительной стабильностью западных границ РФ. Близость же некоторых южных регионов страны к территориям открытых или потенциальных внутренних и внешних конфликтов создает условия для возможного притока беженцев на территорию страны. События августа 2008 г. привели, например, к пересечению границ России югоосетинским населением. Демографический вакуум на Дальнем Востоке и в Сибири создает объективные предпосылки для полного замещения населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего из перенаселенного Китая. Если в ближайшее

время не будут приняты меры, то свободные пространства России окажутся заселенными исключительно иммигрантами⁴.

С учетом уроков иммиграционной истории многих стран, российские власти как на федеральном, так и на региональном уровнях при выборе стратегии обязаны определиться, наконец, с вектором геополитического развития. Это, пожалуй, самое главное. Другие важные условия: 1) приоритет целей национальной безопасности, предотвращение угроз сецессии; 2) территориальное размещение иммигрантов в экономических и политических интересах принимающего общества; 3) гибкое регулирование численности и состава мигрантов; 4) защита вынужденных переселенцев и беженцев настолько, насколько они не нарушают права местного населения и законы принимающего государства⁵.

Тем не менее сравнивать демографические процессы в различных странах можно лишь с геополитической точки зрения (разлом цивилизаций). Несколько схожи и некоторые политико-правовые проблемы.

Русские теряют позиции. Северо-кавказский федеральный округ является самым уязвимым регионом с точки зрения воздействия внешних и внутренних мигрантов на местное русское население. Происходящие здесь массовые перемещения населения значительно меняют этническую структуру региона, создают условия для роста преступности, вызывают социальную напряженность, реанимируют национальные предрассудки. Отчасти поэтому в республиках Северного Кавказа заметно усилилась миграционная подвижность нетитульных национальностей, включая славянское население. Это особенно заметно в Чечне, Дагестане, Ингушетии. Кроме того, ситуация в значительной степени обостряется из-за реэмиграции населения ряда северокавказских национальностей, ранее проживавших вне своих национально-государственных образований. Так, наблюдалось прибытие осетин из Грузии в Северную Осетию. В Ингушетию прибыли ингуши, как из Северной Осетии, так и из Чечни. Из самой Чечни бегство нетитульного населения началось еще в конце 1980-х – начале 1990-х годов, приняв необратимый характер во время двух так называемых Чеченских войн.

Всеми замеченная миграция русского населения стала наиболее сложной проблемой для Северокавказского региона. Так, к началу XXI века численность русских в этом регионе сократилась приблизительно на 500 тыс. человек, в то время как численность титульного населения республик этого региона возросла. Этому

процессу, помимо миграции, способствовала и относительно высокая рождаемость у многих кавказских народов. Если до начала 1990-х годов сокращение численности русских происходило в основном за счет их отъезда из республик Северного Кавказа, то в последующие годы этот процесс усилился в результате резкого сокращения их естественного воспроизводства. Последнее вызвано главным образом старением и оттоком жителей репродуктивного возраста. К концу XX века средний возраст русских в этом регионе составлял примерно 40 лет, а титульных народов республик этого региона – 26 – 28 лет. Ситуация осложняется и тем, что становится все меньше молодых специалистов из разных регионов России, оканчивающих вузы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, которые желали бы приехать на работу в эти республики.

Исход русских из региона, однако, не может быть объяснен чисто демографическими причинами. Бегство русских, украинцев, белорусов, евреев и других этносов, опасавшихся за свою жизнь, было особенно заметно в Чечне и Ингушетии. Провозглашение независимости Чечни (1991), сопровождавшееся антирусской кампанией, начало войны, бомбардировки и обстрелы Грозного, где русских было особенно много, привели к их массовому исходу из республики. В Ингушетии причинами исхода стали опасения повторения чеченского сценария, а также осетино-ингушский конфликт (1992), в результате которого тысячи ингушей, изгнанных с территории Северной Осетии, поселились в Сунженском районе, где компактно проживали русские. Их «выдавливание» последовало незамедлительно.

Несколько иная ситуация сложилась в Дагестане. Здесь причинами непрекращающегося отъезда русских являются незавидное социально-экономическое положение республики, а также ухудшение политической обстановки. Уезжают в основном молодые люди, а остаются пожилые и пенсионеры.

В целом русское население, расселенное в основном в городах северокавказских республик, занимало второе место по численности, а в Адыгее и Карачаево-Черкессии даже первое. По результатам последней переписи населения, ситуация радикально меняется.

Нынешний отток русских, охвативший теперь уже всю сеть поселений в национальных автономиях, является фундаментальным проявлением и выражением процесса дерусификации Северного Кавказа. Причины – в экономическом кризисе, высокой межэтнической напряженности, отсутствии внятной национальной политики в стране и активно распространяющейся ксенофобии.

Исследование этнических особенностей миграционных процессов в северокавказских республиках показывает, что миграционный отток из республик обусловлен не только исходом русского населения. Отрицательное сальдо миграции сложилось и у многих титульных народов республик. В свою очередь в большинстве соседних регионов равнинной части Юга России положительный миграционный поток сложился у чеченцев (Астраханская область, Ставропольский край, Ростовская область, Волгоградская область и др.). Ставропольский исследователь В.С. Белозеров считает, что центр тяжести миграции русского населения смещается в северо-западном направлении, подтверждая тот факт, что русские постепенно уходят с Кавказа. У даргинцев центр тяжести также смещается в этом же направлении, т.е. они, как и другие северокавказские народы, идут вслед за русскими, замещая их⁶.

Снижение политического статуса. Переход Российской империи от союзно-вассальных отношений с этническими окраинами к их присоединению и установлению русской администрации начался в XVIII в. С этого времени численность русского населения в южном регионе постоянно возрастала. Столыпинские реформы ускорили этот процесс, и в начале XX в. подавляющее большинство населения Ставропольской, Кубанской, Черноморской губерний составляли русские, украинцы и белорусы.

Новый этап начался в годы Гражданской войны, когда в ходе борьбы с белоказаками были произведены административно-территориальные преобразования – города с преимущественно русским населением были переданы в горские автономные области, что мотивировалось необходимостью подъема экономики и культуры местного населения.

Несмотря на все эксцессы советского периода (Великая Отечественная война, депортация некоторых кавказских народов и т.д.), на Северном Кавказе было сформировано полиэтничное общество, утверждена единая политико-гражданская идентичность.

Русское население, а также украинцы и белорусы превратили Северный Кавказ в развитый экономический регион с единой системой центрального управления, которая органично дополнилась традиционной самоорганизацией кавказских автохтонных народов. В ходе реформ 1980 – 1990-х годов государственное устройство было коренным образом изменено; русское население региона восприняло эти изменения крайне болезненно, поскольку для русских государство по-прежнему выступает главным организующим центром и это является их основной ментальной чертой.

Подрыв основ централизованного государства, произошедший в начале 1990-х годов, определил большую самостоятельность субъектов Федерации, в первую очередь, северокавказских республик. Суверенизация последних (под лозунгом «берите столько суверенитета, сколько сможете») происходила на этнической основе, не оставив русскому населению сколько-нибудь серьезных шансов на удержание политического влияния.

Такие изменения, быстро осознанные русскими, привели к потере их политического статуса, что стало немаловажной причиной их исхода. Федеральный центр, постепенно передавая власть по политическим причинам (острая необходимость в поддержке национальных элит, особенно проявляющаяся во время выборов и подсчета голосов), сделал крупную ошибку, забыв, что русское население (а также украинцы и белорусы) всегда выступало не просто проводником, но и исполнителем стратегии центра. Обиды этой большей части населения объясняются не столько активизацией ислама или бытовым национализмом, сколько переориентацией правящей элиты центра на суверенизацию республик.

Положение усугубилось тем, что в борьбе за удержание приобретенной власти этнические элиты постоянно поднимают «русский вопрос» с целью установить иерархию национальных общностей, разделенных по единственному признаку: «наверху» обязательно должен быть титульный этнос. В такой ситуации русские не могут сделать политической карьеры, хотя известны случаи, когда русский назначается из Москвы или занимает свой пост в результате компромисса или политического торга. Проблему усложняет еще и то, что усиленная исламизация региона выводит русских на другую сторону цивилизационного разлома, ставит под вопрос существующие правовые нормы и ценности политической культуры. Самое легальное в сложных процессах, происходящих в этом регионе, – приписывание русским роли «имперской» нации. Впрочем, эти настроения республиканской элиты зачастую сменяются пониманием того факта, что без «чужаков» трудно решать любые местные проблемы, а без дотаций из федерального центра власть не удержать.

Сдача экономических позиций. Утверждение титульных этносов в системе властных отношений неизменно сопровождалось сдвигами в экономических отношениях. Характер этих изменений несколько отличался от процессов на общероссийском уровне. Если повсеместная приватизация на территории России сопровождалась не только падением производства, но и резкой диффе-

ренциацией доходов населения по линии бедные — богатые, то на Кавказе она также привела к дифференциации, но, что особенно важно, на этнической основе.

Это проявлялось в первую очередь в смене руководства промышленными и сельскохозяйственными предприятиями: хозяйственники (в основном русские), имеющие достаточный опыт, квалификацию и образование, были сменены новыми собственниками — гордыми представителями титульного этноса, обычно не обладающими достаточными для управления знаниями и опытом. Новая дирекция предприятий назначала своих сторонников на платной основе на руководящие должности. Кадровые рабочие увольнялись, продавая заодно свои акции за бесценок. Производство разваливалось, оборудование распродалось.

Несколько иная тактика применялась в сельскохозяйственных районах республики, где русские занимались животноводством. При отгоне скота на альпийские луга пропадали коровы, бараны и пр.; при этом распространялась информация о том, что русские не умеют пасти скот. На бывших колхозных лугах стали пасти частные стада, используя имеющуюся инфраструктуру. Собрать налоги и организовать проверку деятельности этих «колхозов» оказалось невозможным из-за противодействия местных органов власти.

В конкуренции на рынке труда в 1990-е гг. и позднее русские были просто обречены проигрывать и в сфере получения профессионального образования, и на экономическом поприще.

Проблемы развития культуры. Культурное развитие народов южного региона России шло неравномерно и за последнее столетие претерпело изменения. В период империи, особенно во время Кавказской войны (1817 — 1864), акцент в политике делался в основном на применении силы против непокорных и на организации управления. Считается, что в советский период развитие культуры народов региона изменилось в сторону поощрения культурного возрождения и развития, но при непременном духовном и идеологическом воздействии центрального руководства с целью сохранения целостности культурного пространства Советского Союза.

Ситуация коренным образом изменилась в ходе постсоветских реформ. Усилившееся влияние местных элит, переориентация центральных органов власти страны на поиск любой поддержки с их стороны привели к ослаблению прежнего культурного воздействия русского народа. Это влияние ранее проявлялось, в частности, в создании основ письменности для некоторых народов

региона, в бережном сохранении культурно-художественного наследия, в создании костяка национальной интеллигенции, единой идеологической «линии». При осуществлении этой функции ни один народ, доверивший судьбу России, не потерял свою нишу в культурном пространстве страны. Но, как показали дальнейшие события, интернационализм русского народа при всех его достоинствах все же был амбивалентным и уязвимым. Большинство русских, в отличие от титульных народов, не смогло быстро приспособиться к новым условиям, связанным с «суверенизацией» республик и началом размежевания культур. Положение усугубилось в связи с реализацией декларируемого центром тезиса о самоценности культур народов региона, сопровождающейся изменением соответствующих правовых норм. Были, в частности, приняты законы о языках и национальном образовании, которые, несомненно, были немедленно использованы для вытеснения представителей других культур и перераспределения влияния в этой сфере. Отныне процесс взаимодействия и взаимовлияния русского и коренных народов, прошедших совместно длительный исторический путь, подвергся серьезным испытаниям.

Сегментация культурного пространства в сочетании с исламизацией региона приобрела черты цивилизационного разлома, усилила дискомфорт у проживающих здесь русских, стала одной из причин их исхода из республик Северного Кавказа. Этот процесс был особенно заметен в районах непосредственного контакта православной и мусульманской конфессий. Очевидную роль сыграла и активизация деятельности радикальных исламистских организаций, которые пытаются объединить народы региона для организации противодействия «антиисламистской» политике России и, в конечном итоге, для создания независимого теократического государства.

В этой сложной ситуации многие русские были разобщены и напуганы, стали искать поддержки у федерального центра, привычно видя в нем единственного защитника их интересов. Часть русского населения, осознав всю ограниченность и эфемерность надежд, стремится самоорганизоваться. Другая часть, смирившись с положением «второсортных» граждан, пытается приспособиться к новым реалиям. Но их конкурентоспособность в сравнении с «коренным» населением, обладающим довольно устойчивыми связями, традициями и нормами поведения, оказалась довольно низкой. Поэтому русским кажутся реальными лишь две возможности: либо жить в постоянно сужающемся культурном простран-

стве, терпеть ущемление прав, испытывать унижение на бытовом и служебном уровнях, бояться физических расправ, словом, быть неуверенными в завтрашнем дне, либо уехать в другие регионы, где, как они вполне осознают, их ждут большие трудности с жильем, адаптацией к местным сообществам, устройством на работу, получением образования и др.

Этносоциальная напряженность. Вытеснение русских с доминирующих позиций в экономической, политической и культурной сферах сопровождается этнической, социальной и психологической напряженностью, которая характеризуется высоким уровнем тревожности, фиксируемой в отдельных регионах. В целом русское население осознает факт понижения своего статуса и, естественно, ищет причины этого. Среди возможных вариантов ответа на вопрос о причинах потери русскими социальных позиций выдвигаются следующие: этническое противостояние, экономические неурядицы, отсутствие перспектив, политика центра и некоторые другие. Под руководством известного ростовского социолога Г.С. Денисовой было проведено масштабное исследование мнения русского населения с целью выяснения иерархии этих причин (2002).

Опрос показал, что население связывает историческое пребывание русских на Северном Кавказе с решением государственных задач, а не только чисто экономических (использование природных ресурсов, организация рынка сбыта). В то же время опрошенное русское население, проживающее в зонах межэтнического контакта, отметило в качестве особо уязвимой позиции свое экономическое положение. В целом отсутствие социальных перспектив осознается как важнейший мотив для выезда населения из данного региона.

Помимо обостряющихся межэтнических отношений в республиках Северного Кавказа, следствием которых является отъезд части русских, в последнее время становится заметной активизация исламистских экстремистов, ставящих своей целью создание этнократического государства от Черного моря до Каспийского. Противодействия этому властей некоторых республик эксперты характеризуют как «театральные».

К возможным последствиям этих процессов следует отнести то, что миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа становится основным фактором «выталкивания» «лиц кавказской национальности» из России в целом или из регионов прибывания масс мигрирующего русского населения.

Это способствует усилению «кавказского синдрома», дистанцированию от представителей коренного населения Северного Кавказа жителей остальной части России. В перспективе все перечисленное выше в совокупности может привести к самым нежелательным последствиям для российской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демографические контуры регионов России. – М., 2009. – С. 172 – 173.

² См.: Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 111.

³ См.: Этноконфессиональные конфликты на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 53.

⁴ Демографическое развитие России в XXI веке. – М., 2009. – С. 217.

⁵ См.: *Баранов А.В.* Региональная миграционная политика в Российской Федерации: конфликты и альтернативы реализации // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития регионов. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 38.

⁶ Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы: геоинформационный мониторинг. – М.; Ставрополь, 2005. – С. 64.

Аннотация

Статья посвящена анализу миграционных процессов в России, в которых важное место занимают жители Юга страны. Рассматриваются причины и логика конфликтов, разворачивающихся на Юге России и некоторые подходы к их разрешению. Юг России – социокультурное пространство, на котором определяется будущее России.

Ключевые слова:

Юг России, Кавказ, миграция, конфликты, культура, диалог.

Summary:

The article is concentrated on the analysis of migration processes in Russia where the inhabitants of the South of the country take the key part. The author considers the origins and logic of the conflicts in the South of Russia and some approaches to problem solving. The South of Russia is a social and cultural area determining the future of Russia.

Keywords:

the South of Russia, the Caucasus, migration, conflicts, culture, dialogue.